

ЛЮБИМЫЙ ЖАНР

Экран и сцена —
1997 — 11-18
дек — с. 6.

Я помню роли Ирины Подкопаевой еще с тех времен, когда она играла в театре на Юго-Западе булгаковскую Маргариту, шекспировскую Катарину и леди Капулетти, и когда еще у нее был собственный "Театр Ирины Подкопаевой", где она выступала в постановках русской классики. Теперь она пригласила меня на свой спектакль в лицее, где она ведет театральный класс; лицей называется "Интеграция XXI века" и находится недалеко от метро Шукинская, на улице Маршала Катукова. Название спектакля "Леди Любовь" мало что могло мне прояснить заранее, ну, а из предварительной информации имелось

лишь сведение о том, что на сцене играют ученики седьмого — одиннадцатого классов. То, что пришлось увидеть, хотелось бы подробно описать.

Отроки в черных парадных костюмах окружили карточный стол с горящими на нем свечами, и началась карточная игра со специфическими репликами, возгласами и мизансценами прошлого столетия. Вдруг царственной неземной походкой вышла юная красавица в черном, до полу, роскошном бархатном платье и декадентской шляпке, потом — еще одна в таком же ослепительном наряде, потом — третья, четвертая, пятая, шестая, седьмая совершали по сцене круги своего волшебного шествия, являя нам юную красоту гимназисток, пришедших на бал. Составилась такая композиция: в одной половине салона — джентльмены за картами, в другой — дамы, излучающие сиянье неземной красоты, неги и шарма. Потом между ними проявились отношения взглядов, улыбок, жестов и галантных поклонов, и эти господа стали произносить друг за другом любовные монологи в стихах. Мы узнавали Ахматову, Фета, Цветаеву, Кольцова и даже Есенина в их исполнении — спонтанном, подчиненном логике подспудного романтического замысла, пока неведомого нам. Они читали стихи, как бы воспаряя от земли в своих красивых поэтических взмахх рук и декадентском изломе тел; выявлялись пары, между которыми обнаруживались сюжеты любви, ревности, гармонии или, напротив, несовпадения чувств; кто-то плакал, кто-то страдал, кто-то сходил с ума, кто-то упивался любовным восторгом, кто-то молил любви, а кто-то получал пощечины и гордо, постукивая тростью, удалялся; ну а кто-то выхватывал дуэльные пистолеты, наводя их на противника. Дамы сердца — нет, дам сердца следует попытаться описать вновь, этих молодых девочек в черных шляпках с томными полями, бросающими тени на их полудетские лица, с их нежными телами, матово светящимися из-под черных нарядов; их робкие, неловкие, полудетские движения — в танцевальных проходах и ломких реверансах, их трогательные соприкосновения со своими кавалерами, неумелые объятия, трепетные взгляды и застенчивые поцелуи — словом, и дамы сердца, и кавалеры были прекрасны, как утренний сон.

Опыт пригубления
любовного
напитка

Собственно, вот и замысел: взяв классическую любовную лирику, прожить в каждом стихотворении сюжет любви — вот и все, достаточно для спектакля, а любовное напряжение поэтических строк само создает сценический сюжет. Еще важен образ сафона прошлого века, то есть ясно читающаяся ностальгия по иному времени, эпохе аристократизма и изысканности отношений и чувств. Когда женщина недоступна и загадочна, и ослепительно прекрасна, и ее спутники тоже на высоте.

Тут были, конечно, именно грезы о сладких муках любви. И лишь томленье, лишь мечты. Ведь эти малолетки, эти четырнадцатилетние "женщины-загадки" пытались уразуметь и присвоить себе то, что взрослые дяди и тети едва ли исчерпали своими сердцами. Стриженный ежиком мальчик, произносящий любовный стих с иступлением, с которым мы когда-то читали стихи о Родине. Вот из-под темной вуали детский жалобный голосок: "Ты письмо мое, милый, не комкай!" Безумно трогательно. Ослепительной красоты девочка, бледная от робости и пошатываясь на высоких каблуках, плакала Цветаевское "Мой милый, что тебе я сделала?" И все это, как видно, в первый раз: и выход на подмостки, и взрослое платье, и чтение вслух любовных строк. Именно эти незрелость и неопытность несли в себе прелюбопытнейший эффект "первого прикосновения".

Ну, а по сути-то четырнадцатилетние, надев взрослые одежды, говорили именно о том, о чем больше всего и хотелось бы говорить, думать и видеть сны — о любви, конечно.

Вот превосходное театральное изобретение: дети, играющие во взрослые игры. Вот что им надо, оказывается, на сцене и в жизни. Ну, и я теперь-то поняла, почему не котировались у них "Зайки-зазнайки" и "Снежные королевы". Потому что сила детского зрелища — в этой игре во взрослую поэзию, в тяготе к взрослому миру, которое тут как раз и зафиксировано. И вот подростки, носившие до этого лишь свитера и кроссовки, обличились в блестящих кавалеров и роковых леди — приблизив к себе недоступный и манящий "иной" мир. Глядя на них, мне самой, всю жизнь проходившей в джинсах и курточках, захотелось надеть наконец ослепительное платье и свести кого-нибудь с ума.

Идея этого зрелища неожиданна и экстравагантна для лицей, и кое-кто счел ее слиш-

ком смелой. Но должно ведь и на школьной сцене найтись место яркому поиску, и не будем больше вспоминать про "Зайку-зазнайку". Хорошо, что этот спектакль всей душой поддержала директор лицея Светлана Сабирова Куличенко. Спектакль в самом деле хорош. Красив, изыскан, музыкален, остроумен; в нем есть и ирония, и пародийность, и блеск отстранения, и смелое слияние времен, и несомненная обреченность на успех.

Ольга ИГНАТЮК